

ДУХЪ ВЕЛИКАГО ИНКВИЗИТОРА

(По поводу указа митрополита Сергія, осуждающаго богословскіе взгляды о. С. Булгакова).

«Князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими, но между вами да не будетъ такъ»
(Матвей, гл. 20, 25).

«Мы не съ тобой, а съ н и м ъ, вотъ наша тайна».

Достоевскій «Легенда о Великомъ Инквизиторѣ»

Указъ митрополита Сергія, осуждающій взгляды о. Сергія Булгакова имѣетъ гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ споръ о Софіи. Затрагиваются судьбы русской религіозной мысли, ставится вопросъ о свободѣ совѣсти и о самой возможности мысли въ православіи. Есть ли православіе религія свободы духа или инквизиціонный застѣнокъ? Такъ какъ митрополитъ Сергій, очевидно, признаетъ, за собой и за своимъ Синодомъ непогрѣшимость, превышающую непогрѣшимость папскую, и хочетъ ввести католическую практику *index'a*, то рѣчь идетъ о томъ, что такое православіе. Значеніе указа, осуждающаго о. С. Булгакова, не только очень компрометируется, но и совсѣмъ анулируется тѣмъ фактомъ, что м. Сергій книгъ о. С. Булгакова не читалъ и составилъ свое сужденіе на основаніи изложенія нѣкоего г. Ставровскаго и сообщеній Фотіевскаго братства, т. е. на основаніи доноса. Если въ научной или философской литературѣ составляютъ себѣ сужденіе о взглядахъ какого-либо автора, не читая его книгъ; то это называется недобросовѣстностью и морально осуждается. Но въ литературѣ административно-правитель-

ственной, будь она церковной или государственной, слишком часто основываются на доносахъ и шпионскихъ показаніяхъ и тамъ этика, очевидно, другая. Не существуетъ харизмы, допускающей сужденіе о кингахъ непрочитанныхъ. Мы тутъ имѣемъ дѣло съ явленіемъ характернымъ для нашей эпохи. Это церковный фашизмъ. Фашизмъ есть диктатура молодежи надъ мыслью. Если фашизмъ со своими насиліями и неуваженіемъ къ достоинству человѣка отвратителенъ въ жизни политической, то еще болѣе мерзокъ онъ въ жизни церковной. Отъ самаго указа на меня пахло затхлой семинарщиной. И я понимаю, какъ тяжело долженъ быть конфликтъ о. С. Булгакова, человѣка высокой интеллектуальной культуры, со старой семинарщиной, которая разомъ и отрицаетъ мысль, требуетъ бессмысленной вѣры, вѣры въ авторитетъ и пропитана самымъ вульгарнымъ раціонализмомъ. Въ указѣ съ порицаніемъ и осужденіемъ о. С. Булгаковъ называется «истымъ интеллигентомъ» и этому, повидимому, приписываются его «еретическіе» уклоны. То ли дѣло, если бы о. С. Булгаковъ былъ лавочникомъ или консисторскимъ чиновникомъ, тогда ему, очевидно, были бы открыты тайны православія, закрытыя для человѣка интеллигентнаго. Православіе, повидимому, понимается, какъ религія сословно-классовая. Бытовое православіе всегда имѣла особенную склонность къ купцамъ и мѣщанамъ. О. С. Булгаковъ происходитъ изъ духовнаго сословія, онъ сынъ священника и воспитывался въ семинаріи, но онъ имѣетъ высокой интеллектуальной старжъ, прошелъ сложный путь исканій, его имя вписано въ исторію русской интеллигенціи и этого ему никогда не проститъ старое классовое, мѣщанско-семинарское православіе. Но это какъ разъ и дѣлаетъ о. С. Булгакова человѣкомъ значительной судьбы. Къ такому человѣку недопустимо отношеніе, проявленное въ указѣ, лишенное всякой христіанской любви и всякой благодарности. Совершенно ясно, что м. Сергій отрицаетъ богословскую мысль, отрицаетъ не только свободу мысли, но самую мысль. Богословіе должно свестись къ писанію семинарскихъ учебниковъ. О. С. Булгаковъ понимаетъ христіанство нѣсколько иначе, чѣмъ семинарскіе учебники. Но пониманіе христіанства въ духѣ этихъ семинарскихъ учебниковъ и было одной изъ существенныхъ причинъ отпаденія отъ христіанства значительной части человѣчества. Съ такой рабьей и темной религіей болѣе развитое человѣческое сознаніе и совѣсть не могли примириться. Указъ м. Сергія хочетъ вернуть русское православіе къ тому состоянію безмыслія, въ которомъ оно находилось въ старомъ Московскомъ царствѣ, хочетъ зачеркнуть русскую религіозную мысль XIX и XX в. в., единственную, которая была въ православіи послѣ греческой патристики и византий-

скихъ теченій XIV вѣка. Вся русская религіозная мысль съ точки зрѣнія этого указа должна быть признана не ортодоксальной, вся она имѣетъ тѣ или иные «еретическіе» уклоны. Осужденіе о. С. Булгакова есть вмѣстѣ съ тѣмъ осужденіе Хомякова, Бухарева, Достоевскаго, Вл. Соловьева, Несмѣлова, Н. Феодорова, хотя они и очень различны между собой. Остается пустыня. Не дѣлая никакого различія между догматами и богословскими ученіями, что есть католическая тенденція, м. Сергій принужденъ отрицать всякое богословское творчество. Творческая мысль требуетъ таланта, даннаго отъ Бога, а къ таланту существуетъ *ressentiment*. Это есть православный нигилизмъ, вражда къ культурѣ. Существуютъ не только обязательные догматы православной Церкви, но существуетъ и обязательная, единая, богословская доктрина православной церкви и непогрѣшимымъ хранителемъ этой богословской доктрины является м. Сергій и его синодъ. Непонятно, откуда взялось такое пониманіе православія. Въ православіи нѣтъ даже обязательныхъ «символическихъ» книгъ. О. С. Булгакова можетъ утѣшить то, что не было ни одного учителя церкви, который не обвинялся бы въ той или иной ереси. Всякое творческое проявленіе богословской и религіозно-философской мысли, всякая новая проблематика встрѣчались обвиненіями въ ереси. Я воспринялъ указъ, какъ исходящій отъ религіи синагоги, религіи книжниковъ и фарисеевъ. Христіанство въ исторіи постоянно перерождалось и выраждалось въ религію законничества. Православные митрополиты, хотя и противопоставляли себя католичеству, но постоянно стремились къ непогрѣшимости, къ коллективному папизму, который гораздо хуже папизма индивидуальнаго. Грѣховная воля къ власти, къ господству и тиранству постоянно терзала христіанскую исторію и ею слишкомъ многое объясняется. И тутъ пора, наконецъ, исправить несправедливость относительно католичества.

Когда православные критиковали католичество, то они обыкновенно обвиняли его въ авторитарности, въ отрицаніи свободы совѣсти и мысли, въ инквизиціи. Тютчевъ писалъ о папѣ: «Его погубить роковое слово: свобода совѣсти есть бредъ». Славянофилы, Достоевскій, да и всѣ официальные богословы, писавшіе противъ католичества, обличали католическій клерикализмъ, насилія признающаго себя непогрѣшимымъ іерархическаго авторитета надъ совѣстью и мыслью вѣрующихъ. Предполагалось, что въ православіи есть больше свободы духа, нѣтъ клерикализма. Но такъ было лишь пока нападали на католичество. Когда же обращались къ внутренней жизни православной церкви, то никакой свободы не оказывалось, меньше, чѣмъ въ католичествѣ. Хомяковъ, который училъ о свобо-

дѣ, какъ основѣ православной церкви, не могъ въ Россіи напечатать своихъ богословскихъ произведеній, долженъ былъ ихъ напечатать на французскомъ языкѣ. Бухаревъ претерпѣлъ настоящее гоненіе. Несмѣловъ долженъ былъ передѣлать заключеніе своей диссертациі о св. Григоріи Нисскомъ въ обратномъ смыслѣ, чтобы она была принята въ Духовной Академіи (*). Вл. Соловьевъ многого не могъ напечатать въ Россіи и былъ всегда на подозрѣніи. Духовная цензура дѣлала невозможной развитіе русской богословской мысли въ Россіи. Пусть не ссылаются на зависимость церкви отъ государства. Епископаты всегда отличался низкопоклонствомъ по отношенію къ государственной власти. Но если бы дать волю епископамъ, то духовный гнетъ былъ бы еще больше. Свободу утверждало не оффиціальное православіе, не церковная іерархія, а русскій православный «модернизмъ», болѣе вѣрный истокамъ христіанства. Совершенно тоже было въ соборности. У Хомякова были гениальныя интуиціи о свободѣ и соборности, но онѣ не соответствовали фактическому положенію православной церкви. Соборность существовала въ идеѣ, а не въ практикѣ. Нужно рѣшительно сказать, что у католиковъ гораздо больше свободы мысли, чѣмъ у православныхъ и именно не въ отвлеченной концепціи, а въ практикѣ. Поэтому въ католичествѣ возможна была богатая и разнообразная богословская литература. Я не говорю уже о западномъ средневѣковьи, когда свобода мысли въ католичествѣ была велика, большая, чѣмъ въ новое время. Поэтому въ средневѣковьи возможенъ былъ расцвѣтъ очень разнообразныхъ, боровшихся между собой богословскихъ, философскихъ, мистическихъ школъ. Ничего равнаго этому не было на православномъ востокѣ. И сейчасъ католическая мысль находитъ возможность двигаться, отвѣчать на проблемы нашей эпохи безъ того, чтобы быть окончательно удушаемой. Такъ наприм., среди французскихъ католиковъ-томистовъ, т. е. людей дорожащихъ ортодоксіей, создается цѣлое движеніе неогуманизма, очень радикальное въ вопросахъ социальныхъ и культурныхъ, стоящее на высотѣ современной проблематики. Въ этомъ движеніи участвуютъ и священники, монахи-доминиканцы и др. И ихъ оставляютъ въ покоѣ. Ничего подобнаго нельзя себѣ представить въ православной средѣ, среди православнаго духовенства и монашества, которыя прежде всего нуждаются въ культурѣ и просвѣщеніи. Самый обскурантскій клерикализмъ возрастаетъ среди православныхъ. У насъ есть только одиночки, находящіеся въ трагическомъ положеніи. Для этой мучитель-

*) О своихъ страданіяхъ отъ духовной цензуры Несмѣловъ рассказалъ въ личномъ письмѣ ко мнѣ.

ной темы я считаю наиболее потрясающей судьбу «Легенды о Великомъ Инквизиторѣ». Ее очень привѣтствовалъ К. Побѣдоносцевъ, котораго вся мыслящая Россія считала Великимъ Инквизиторомъ. Это недоразумѣніе возможно было только потому, что онъ относилъ Легенду о Великомъ Инквизиторѣ исключительно къ католичеству и не допускалъ мысли, что она можетъ относиться и къ православію. Повидимому, и самъ Достоевскій недостаточно понималъ то, что онъ написалъ въ геніальной Легендѣ, и можетъ быть испугался бы ея послѣдовательныхъ выводовъ. Въ дѣйствительности въ Легендѣ Достоевскій возсталъ противъ всякой религіи авторитета, какъ соблазна антихриста, гдѣ бы и когда бы она ни проявилась. Это небывалый гимнъ свободѣ Духа, самая крайняя форма религіознаго анархизма. Легенда имѣетъ католическое обличье, но она относится не только къ католичеству, она относится и къ православію, какъ относится и къ авторитарной религіи атеистическаго коммунизма. Авторитетъ въ религіи для Достоевскаго есть духъ антихриста, принятіе искушенія, отвергнутаго Христомъ въ пустынь. И этому соблазну подвергались всѣ историческія церкви. И всегда оправдывались такъ, какъ и Великій Инквизиторъ, заботами о «малыхъ сихъ». Указъ м. Сергія вполнѣ въ Духъ Великаго Инквизитора, но безъ поэзіи и меланхоліи послѣдняго. Нужно перестать обвинять католичество, лучше на себя оглянуться. Если русскому христіанству предстоитъ возрожденіе, то оно должно преодолѣть свое самодовольство, свой затхлый провинціализмъ, свой нехристіанскій націонализмъ, оно должно войти въ міровую ширь.

Я не духовное лицо, не догматикъ и не богословъ, я вольный философъ, и потому въ критикѣ указа м. Сергія я буду стоять на иной почвѣ, чѣмъ та, на которой принужденъ стоять о. С. Булгаковъ. Спора о ересяхъ я не принимаю и попытаюсь дать свой психологическій и социологическій анализъ понятій ортодоксіи и ереси. Какъ философа меня поразило то, что м. Сергій говоритъ о Платонѣ и Плотинѣ, величайшихъ философахъ древности. Онъ считаетъ предосудительными ссылки о. С. Булгакова на Платона и Плотина и видитъ въ этомъ изобличеніе источниковъ богословскихъ «ересей» о. С. Булгакова. Ему кажется яснымъ, что этими источниками является языческая философія. Нужно рѣшительно протестовать противъ самаго этого выраженія, затхло семинарскаго. Философія Платона и Плотина есть не языческая философія, а просто философія. Непонятно, какую философію м. Сергій призналъ бы допустимой. Не философію Канта и Гегеля и врядъ ли философію св. Тома Аквината и Дукса Скота. Ясно, что онъ вообще отрицаетъ философію и считаетъ ее дѣломъ нечестивымъ. Но этимъ самымъ онъ долженъ отрицать и богословіе, такъ какъ

богословіе невозможно безъ философіи, безъ категорій мысли, выработанныхъ философіей. Слишкомъ извѣстно, что греческая патристика была пропитана греческой философіей, неоплатонизмомъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ, величайшій авторитетъ православія, былъ проникнутъ аристотелизмомъ, какъ и западная схоластика. Не думаетъ ли м. Сергій, что православіе есть чистый фидеизмъ или что то въ родѣ религіи чувства? Но тогда онъ гораздо ближе къ нѣкоторымъ протестантскимъ теченіямъ (Шлейермахеръ, Ричль), чѣмъ къ греческимъ учителямъ церкви. Безспорно о. С. Булгаковъ платоникъ. Самъ я не платоникъ и исповѣдую вѣроятно въ глазахъ м. Сергія гораздо худшую философію, чѣмъ платонизмъ. Но интересно знать, съ какихъ поръ быть платоникомъ есть ересь и преступленіе? Конечно, богословіе о. С. Булгакова есть гнозисъ, религіозное знаніе, а не административный синодальный указъ. Но это не значитъ, что онъ имѣетъ что либо общее съ Валентиномъ или Василидомъ. Думаю, что ничего общаго не имѣетъ. Гностики имѣли дуалистическую тенденцію, что совершенно противоположно софіологіи. Да и что извѣстно о гностикахъ кромѣ того, что писали о нихъ враги, искажавшіе ихъ идеи? Боюсь, что о гностикахъ знаютъ столько же, сколько м. Сергій узналъ объ идеяхъ о. С. Булгакова по изложенію г. Ставровскаго. Но въ свободныхъ и цивилизованныхъ государствахъ ревнителемъ ортодоксіи не дано права истреблять произведенія тѣхъ, кого они обличаютъ въ ересяхъ. Несмотря на смутность богословскихъ идей, выраженныхъ въ указѣ м. Сергія, одно ясно — онъ стоитъ исключительно на сотеріологической почвѣ, т. е. допускаетъ лишь мысль относящуюся къ спасенію. Это очень характерно и вполне понятно. Исключительно сотеріологическое, т. е. утилитарное пониманіе боговоплощенія, сведеніе всего христіанскаго міросозерцанія къ сотеріологіи даетъ возможность укрѣплять организацію власти. За этимъ скрыты инстинкты господства и власти. Тѣ, которые держатъ въ своихъ рукахъ ключи спасенія, властвуютъ надъ человѣческими душами. Это очень выгодно для теоріи Великаго Инквизитора. Въ указѣ о. С. Булгаковъ обвиняется даже въ отрицаніи вѣчныхъ адскихъ мукъ, хотя объ этомъ ничего нѣтъ въ его книгахъ. Но это излюбленный мотивъ сотеріологическихъ теченій. Именно ученіе о вѣчныхъ адскихъ мукахъ всегда было главной опорой власти, господства и религіозной тиранин. Въ спорѣ м. Сергія съ о. С. Булгаковымъ мнѣ представляется самымъ важнымъ не вопросъ о Софіи, а вопросъ о боговоплощеніи. Есть ли боговоплощеніе исключительно дѣло спасенія или оно есть продолженіе міротворенія? Есть ли вочеловѣченіе Сына Божьяго случайность, вызванная грѣхомъ,

исправление ошибки или оно входитъ въ планъ міротворенія? И не есть ли боговоплощеніе міровой божественный процессъ? М. Сергій отрицаетъ основную идею, выношенную всей русской религіозной мыслью, идею Богочеловѣчества, онъ отрицаетъ сообразность между Божествомъ и человѣчествомъ, человѣчность Бога и человѣчность христіанства. И этимъ онъ возвращается къ до-христіанскому сознанию, которое впрочемъ всегда играло большую роль въ официальномъ христіанствѣ.

Перехожу къ основному вопросу объ ортодоксіи и ереси. Для меня совершенно ясно, что понятія ортодоксіи и ереси носятъ социологическій характеръ. Ортодоксія есть религіозное сознание коллектива и за ней скрыто властвованіе коллектива надъ своими членами. Это есть организованное господство рода надъ индивидуумомъ. Природа ортодоксіи и ереси очень ясна въ русскомъ коммунизмѣ. Вся совѣтская коммунистическая философія стоитъ подъ знакомъ различенія ортодоксіи и ереси, а не истины и заблужденія. Черезъ ортодоксію центральные органы коммунистической партіи властвуютъ надъ человѣческими душами. Это тоже есть своеобразная, антихристіанская сотериология. Еретики обрекаются на гибель. Это есть подражаніе тому, что раньше утверждалось въ религіозной сферѣ. За исканіями и осужденіями ересей всегда были скрыты инстинкты власти и инстинкты садизма, который вообще игралъ огромную роль въ религіозной исторіи. Все ученіе объ адѣ есть порожденіе садизма однихъ и мазохизма другихъ. Осужденіе ересей всегда имѣло церковно-политическіе мотивы и за нимъ всегда скрывалась злобность. Совершенно ошибочно думать, что паеосъ ортодоксіи есть паеосъ истины. Ортодоксія и истина совершенно разныя понятія и за ними скрыты разные мотивы. Паеосъ ортодоксіи есть паеосъ властвованія, господства и принудительнаго единства, а не паеосъ истины и познанія. Ортодоксальная доктрина не есть познаніе и отрицаетъ познаніе. Она всегда носитъ утилитарный характеръ. Пусть лучше консервативные ортодоксы не ссылаются на любовь къ истинѣ, это имъ не къ лицу. Именно они не только мирились съ безсовѣстнымъ искаженіемъ церковными историками исторической истины, но и отлучали тѣхъ, которые историческую истину защищали. Нѣмецкая протестантская наука имѣетъ огромныя религіозныя заслуги, именно потому, что она искала истины. Фальсификація исторіи есть специальное порожденіе ортодоксіи. Ортодоксія марксистская не отличается тутъ отъ ортодоксіи религіозной. Истина раскрывается лишь черезъ свободу, а не черезъ авторитетъ удушающей мысль. Властвованіе въ церкви носитъ социальный характеръ и во всемъ подобно властвованію въ государствѣ или въ первобытныхъ ордахъ и племенахъ. Все тутъ обратно

Евангелію, обратно Царству Духа, все основано на невѣрїи въ Духъ. Христіанская реформа требуетъ окончательнаго преодоленія понятій ортодоксіи и ереси, какъ имѣющихъ явно соціальныи и утилитарныи характеръ, и замѣна ихъ понятіями истины и заблужденія или лжи. Истина даетъ свободу, освобождаетъ, ортодоксія же пораждаетъ инквизиціонный застѣнокъ и даетъ свободу лишь садическимъ инстинктамъ властзующихъ. Христосъ о себѣ сказалъ, что онъ есть Истина, а жаждущая власти система понятій говоритъ, что она есть ортодоксія. Христосъ сказалъ также, что онъ есть путь и жизнь. Ортодоксія же отрицаетъ путь и жизнь. Если уже употреблять это слово, то единственная настоящая ересь есть ересь противъ христіанской жизни, а не ересь противъ доктринъ и той или иной системы понятій. Указъ м. Сергія и есть ересь противъ христіанской жизни. Именно изъ стремленія къ истинѣ и изъ любви къ истинѣ человекъ можетъ отвергнуть систему понятій, которая объявляетъ себя ортодоксіей, но съ которой не мирится чуткая совѣсть, не мирится интеллектуальная честность. Догматы лишь символы духовнаго опыта и духовнаго пути, а не застывшая система понятій, не интеллектуальныя доктрины, которыя всегда принадлежатъ времени и мѣняются. Религіозная истина можетъ быть принята лишь активно цѣлостнымъ духомъ человека, его просвѣтленнымъ разумомъ и совѣстью. Никто кромѣ раба не можетъ принять навязанную авторитетомъ доктрину, если совѣсть ее не прїемлитъ, если свобода на нее не соглашается. Безъ моей свободы ничто для меня не имѣетъ смысла. Феноменологически свободѣ принадлежитъ примать надъ авторитетомъ. Авторитетъ существуетъ, если въ него вѣрятъ. Но это значитъ, что вѣрѣ принадлежитъ примать надъ авторитетомъ. И въ католическомъ мірѣ, когда авторитетъ пытается насиловать совѣсть и сознание католиковъ, то никто по настоящему не принимаетъ этого насилія. Или молчатъ и скрываютъ свои мнѣнія, или разрываютъ. Религіозная жизнь относится къ духовному плану бытія и значитъ въ ней ничто не имѣетъ смысла безъ свободы. Но авторитетъ пытается господствовать черезъ терроръ, связанный съ угрозами гибели и вѣчнаго ада. Въ этомъ его низость, лишаящая духовную жизнь всякой цѣнности. Это есть религія въ соціальному, а не въ духовному планѣ. Въ указѣ м. Сергія я вижу то же невѣрїе въ духъ, ту же вѣру въ средства, подобныя средствамъ государства, взятыя изъ міра соціальныхъ отношеній господства, что во всѣхъ церковно-административныхъ и правительственныхъ актахъ. Люди церковнаго авторитета — маловѣры, они отрицаютъ духъ, вѣрятъ лишь въ мірѣ видимыхъ вещей и его методы. Духъ Божій дѣйствуетъ лишь черезъ Духъ. Не можетъ быть критерія св. Ду-

ха, взятого изъ низшихъ сферъ бытія, самъ св. Духъ есть критерій.

Сознаніе консервативныхъ церковныхъ людей, особенно людей церковной власти, предшествуетъ критикѣ познанія, оно находится въ стадіи наивнаго реализма. Поэтому не понимаютъ двучленности откровенія, не понимаютъ активности человѣка въ принятіи откровенія, отношеніе между субъектомъ и объектомъ откровенія истолковываютъ наивно-реалистически. Откровеніе предполагаетъ не только Бога, но и человѣка. Не можетъ быть откровенія куску дерева или камню. Духъ открывается лишь духу. И человѣческій духъ всегда активенъ въ принятіи откровенія. Откровеніе преломляется въ человѣческой стихіи и ею обуславливается, оно выражается на человѣческомъ языкѣ и въ категоріяхъ человѣческой мысли. Отсюда ступени откровенія. Отсюда развитіе. Отсюда относительность и условность многого признаннаго священнымъ въ прошломъ, но связаннаго съ человѣческой ограниченностью. Отсюда и неизбѣжность постояннаго очищенія христіанства. Структура человѣческаго сознанія мѣняется, духовное состояніе человѣка бываетъ разное. Человѣкъ творчески реагируетъ на то, что ему открывается свыше. Передъ человѣкомъ, какъ свободнымъ духомъ, ставятся все новыя проблемы и требуютъ отвѣта. Есть проблемы, которыя совсѣмъ не были поставлены вселенскими соборами. Проблемы космоса и человѣка, тайна тварнаго міра совсѣмъ не предстояли вселенскимъ соборамъ и учителямъ церкви. Нѣтъ догматовъ о человѣкѣ и космосѣ, есть лишь догматъ о Св. Троицѣ и Христѣ. Поэтому неизбѣжны догматическое броженіе и борьба. Я не являюсь сторонникомъ ученія о Софіи по сложнымъ философскимъ основаніямъ, но признаю большее значеніе за проблематикой связанной съ этимъ ученіемъ. У меня есть безпокойство, связанное съ ученіемъ о Софіи, обратное безпокойству консервативныхъ ортодоксовъ, я боюсь возможныхъ консервативныхъ выводовъ изъ этого ученія, боюсь сакрализации въ исторіи того, что не можетъ быть сакрально, напр., теократическаго государства, собственности, формъ органическаго быта и т. п. Но я солидаризуюсь съ о. С. Булгаковымъ въ его новой проблематикѣ и въ его борьбѣ за свободу религіозной мысли. Мнѣ иногда кажется, что если бы не употребляли греческое слово Софія, а употребляли лишь русское слово Премудрость, то оставили бы въ покоѣ. Это показатель ничтожества и жалкости человѣческихъ обвиненій.

Указъ м. Сергія какъ будто бы предполагаетъ, что всякій членъ Московской Патріаршей Церкви долженъ раздѣлять богословскія мнѣнія, выраженные въ указѣ и присоединиться къ осужденію о. С. Булгакова. Тема указа, по моему убѣж-

денію, не имѣетъ никакого отношенія къ церковнымъ распрямъ юрисдикціи. Но какъ членъ этой Церкви я долженъ рѣшительно заявить, что отношусь къ осужденію о. С. Булгакова съ величайшимъ негодованіемъ, какъ къ обскурантскому насилію надъ мыслью и богословскія идеи этого указа не только не раздѣляю, но считаю стоящими на очень низкомъ уровнѣ мысли. Отсюда могутъ сдѣлать относительно меня соотвѣтствующіе выводы. Но заранѣе долженъ сказать, что не подчиняюсь никакому насилію надъ человѣческой совѣстью и мыслью. Печально думать, какъ гонимые легко превращаются въ гонителей.. Я остаюсь въ Церкви Христовой, основанной на любви и свободѣ. За свободу и творчество въ религіозной жизни, за достоинство человѣка нужно вести героическую борьбу. Истина не есть вещь, предметъ, не есть падающая съ неба система понятій, она творчески раскрывается и завоевывается въ пути и въ жизни. Истина дана не для сохраненія въ какомъ-то мѣстѣ, а для осуществленія въ полнотѣ жизни и для развитія.

Николай Бердяевъ.